

ПОЛЕВАЯ РАБОТА В АНТИЭЙДЖИСТСКИХ ПАБЛИКАХ «ВКОНТАКТЕ»: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ

Ирина Владимировна Прус

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
prus.irene@gmail.com

Аннотация: Для концептуализации цифровой полевой работы преимущественно используются две взаимосвязанные методологические стратегии. Первая опирается на принцип нецифроцентричности, который предполагает фокус на социальном измерении цифровых феноменов; вторая — на прием «следование за», сформулированный на основе программы мультилокальной этнографии Джорджа Маркуса. В статье представлена попытка рассмотреть ограничения этих стратегий для полевой работы в онлайн-сеттингах. Согласно автору, под их влиянием цифровая антропология утратила внимание к конкретным интернет-местам. Этот сдвиг в методологическом воображении обоснован тем, что полевая работа в таких местах стала недоступной для современного исследователя, чьи информанты оказываются в слишком фрагментарном, текучем, нестабильном и эфемерном вебе. Опираясь на второй вариант техники мультилокальной полевой работы, предложенный Маркусом, и проект «классической полевой работы» в виртуальных мирах, разработанный Томом Боллсторфом и его коллегами, автор предлагает осмыслить конкретные фрагменты социальных сетей как полевые места, иллюстрируя свои соображения выдержками из собственного исследования антиэйджистских веб-сообществ в соцсети «ВКонтакте». На примере двух сюжетов показано, как анализ конкретной технологии — ее аффордансов, восприятия информантами и политико-экономического контекста функционирования и трансформации — и долгая полевая работа в публических социальных сетях могут способствовать антропологическому исследованию цифрового феномена.

Ключевые слова: цифровое поле, цифровая антропология, виртуальная этнография, антиэйджизм, «ВКонтакте», нецифроцентричность, мультилокальная этнография.

Для ссылок: Прус И. Полевая работа в антиэйджистских публических «ВКонтакте»: проблемы методологических стратегий // Антропологический форум. 2025. № 67. С. 181–208.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-67-181-208

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/067/prus.pdf>

THE FIELDWORK IN ANTI-AGEIST VK PUBLIC PAGES: PROBLEMS OF METHODOLOGICAL STRATEGIES

Irina Prus

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
prus.irene@gmail.com

Abstract: Two interrelated methodological strategies are mainly used to conceptualise digital fieldwork. The first is drawn from the principle of non-digital-centric-ness, emphasising the social dimension of digital phenomena. The second is based on the method of “following” derived from George Marcus’s multi-local ethnography programme. The article presents an attempt to understand the limitations of this fieldwork approach in online settings. According to the author, under their influence attention to digital places has disappeared from the focus of digital anthropology. This methodological shift is based on the idea that fieldwork at a specific site has become inaccessible to a researcher, as their informants find themselves within a too fragmented, fluid, unstable, and ephemeral web. Based on the second version of the multi-local fieldwork technique proposed by Marcus and the methodological project of the classical fieldwork in virtual worlds conceptualised by Tom Boellstorff and his colleagues, the author suggests a way of understanding specific fragments of social networks as fieldsites, illustrating it with excerpts from her own research of anti-ageist public pages on the VK social network. The examples demonstrated how the analysis of a specific technology, its affordances, the perception of informants, and the political and economic context of its functioning and transformation, combined with long-term fieldwork in the VK public pages, can contribute to anthropological research into the digital phenomenon.

Keywords: digital field, digital anthropology, virtual ethnography, anti-ageism, VKontakte, non-digital-centric-ness, multi-local ethnography.

To cite: Prus I., ‘Polevaya rabota v antiydzhiststskikh publikakh «VKontakte»: problemy metodologicheskikh strategiy’ [The Fieldwork in Anti-Ageist VK Public Pages: Problems of Methodological Strategies], *Antropologicheskij forum*, 2025, no. 67, pp. 181–208.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-67-181-208

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/067/prus.pdf>

Ирина Прус

Полевая работа в антиэйджистских пабликах «ВКонтакте»: проблемы методологических стратегий

Для концептуализации цифровой полевой работы преимущественно используются две взаимосвязанные методологические стратегии. Первая опирается на принцип нецифроцентричности, который предполагает фокус на социальном измерении цифровых феноменов; вторая — на прием «следование за», сформулированный на основе программы мультилокальной этнографии Джорджа Маркуса. В статье представлена попытка рассмотреть ограничения этих стратегий для полевой работы в онлайн-сеттингах. Согласно автору, под их влиянием цифровая антропология утратила внимание к конкретным интернет-местам. Этот сдвиг в методологическом воображении обоснован тем, что полевая работа в таких местах стала недоступной для современного исследователя, чьи информанты оказываются в слишком фрагментарном, текучем, нестабильном и эфемерном вебе. Опираясь на второй вариант техники мультилокальной полевой работы, предложенный Маркусом, и проект «классической полевой работы» в виртуальных мирах, разработанный Томом Боллсторфом и его коллегами, автор предлагает осмыслить конкретные фрагменты социальных сетей как полевые места, иллюстрируя свои соображения выдержками из собственного исследования антиэйджистских веб-сообществ в соцсети «ВКонтакте». На примере двух сюжетов показано, как анализ конкретной технологии — ее аффордансов, восприятия информантами и политико-экономического контекста функционирования и трансформации — и долгая полевая работа в пабликах социальных сетей могут способствовать антропологическому исследованию цифрового феномена.

Ключевые слова: цифровое поле, цифровая антропология, виртуальная этнография, антиэйджизм, «ВКонтакте», нецифроцентричность, мультилокальная этнография.

Постановка проблемы

Рассуждения о том, что антропологи поздно подключились к работе с медиа, цифровыми технологиями и интернетом, кажется, один из самых часто встречающихся зачинов в описании биографии дисциплины [Ginsburg et al. 2002: 3; Wilson, Peterson 2002: 449–450; Lysloff 2003: 233–234; Garcia et al. 2009: 53; Postill 2009: 334; Coleman 2010: 488; Boellstorff et al. 2012: 2–3; Hine 2015: 5; Geismar, Knox 2021: 1–2; de Seta 2024: 240–242]. В то же время констатация «запаздывания» довольно часто сопровождается указанием на работы коллег, посвященные цифровым феноменам, которые были написаны и опубликованы как в самый пик массовизации домашних компьютеров, так и с появлением инфраструктуры для подключения к сети и смартфонов. К началу 2010-х гг. у цифровых антропологов сложился круг обязательных для чтения авторов, чьи имена повторяются в обзорных статьях

Ирина Владимировна Прус
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
prus.irene@gmail.com

и введениях в отдельные кейсы¹, а описания «новых» исследовательских приемов (например, с помощью собственного веб-сайта, опубликованных на форуме вопросов или в Instagram*-аккаунте [Forte 2005; Kivits 2005; Bluteau 2021]) стали самодостаточным и довольно популярным жанром среди представителей направления.

Тропу «запаздывания» противоречит и интеллектуальный контекст формулирования оснований цифровой антропологии. С одной стороны, появление цифровых технологий часто указывалось в ряду тех изменений, которые требовали переосмысления методологических и идеологических оснований всей антропологии как дисциплины [Cheater 1995: 118–120; Clifford 1997: 192–195; Des Chene 1997: 78–81; Marcus 1998: 63–64], с другой — многие программы цифровых исследований обретали фундированное обоснование за счет обновленного концептуального аппарата и техник полевой работы. Так, предложение адаптировать этнографию и полевые методы к интернет-пространствам были основаны на убеждении в необходимости новых — экспериментальных, активистских и артистических — форм проведения исследований, учитывающих концепции фрагментарности, текучести, сети и мобильности, критику репрезентаций и культуры как контейнера [Hine 2000: 41–66; Srinivasan 2009: 166–171; Airoldi 2018: 662–665; Caliandro 2018: 555–557].

Таким образом, цифровая антропология предстает одновременно и дисциплиной, быстро реагирующей на трансформации технологического ландшафта, с долгой историей и сложившимся каноном классических текстов, и только что открытым исследовательским направлением, находящимся в состоянии дефицита понятных методологических стратегий и требующим постоянного обоснования своей связи с большой антропологией. Если вынести за скобки вопрос о риторических способах производства актуальности в научных текстах, то одним из возможных предположений о причинах этой парадоксальной ситуации может стать недостаточная представленность концептуализации именно цифрового поля, которое могло бы производить убедительную корпоративную идентичность цифровой антропологии. Другими словами, онлайн-пространство не было отрефлексировано в терминах полевого места с соответствующими описательными и аналитическими задачами, а полевая работа онлайн в качестве комплексной и самостоятельной

¹ Барт Барендрегт подмечает, что этот троп стал особенно популярен в период пандемии, когда многие исследователи впервые обратились к цифровым методам [Barendregt 2022].

* Здесь и далее знаком астериска маркируются упоминания лиц, включенных Минюстом РФ в реестр иноагентов, или организаций, признанных запрещенными на территории России.

техники не стала популярна ни как предмет методологической рефлексии, ни как метод исследования¹.

В этой статье я представлю один из возможных способов рефлексии над цифровой полевой работой, раскрыв ее через проблематизацию двух методологических стратегий, которые уводят в сторону от понимания онлайн-пространств как полевых мест, — принципа нецифроцентричности и приема «следование за». Я попытаюсь показать, как можно подвергать сомнению универсальность этих устоявшихся методов цифровой антропологии, проиллюстрировав это результатами применения антонимичных им подходов в моем исследовании антиэйджистских веб-сообществ² «ВКонтакте».

Предпосылки к игнорированию цифрового полевого места: нецифроцентричность и прием «следование за»

В 2016 г. ведущие специалисты по цифровым исследованиям Сара Пинк, Хезер Хорст, Джон Постилл, Джо Таки, Ларисса Хьорт и Таня Льюис опубликовали одну из наиболее цитируемых монографий о методологических принципах цифровой этнографии, в число которых входила нецифроцентричность (*non-digital-centric-ness*). Это методологическое правило объединяло целый набор предложений, которые предполагали акцент на социальном измерении цифровых феноменов, т.е. изучение практик, идентичностей, социальных отношений и повседневности субъектов-пользователей [Pink et al. 2016: 9–11]. Сама формулировка этого принципа как отрицание центрального места цифровых технологий при их анализе выстраивалась на приемах обоснования, предложенных в работах по антропологии медиа [Ginsburg et al. 2002: 1–2; Postill 2009: 334], в которых соответствие дисциплине утверждалось через модус производства знания, а не через объект исследования. Так, настаивая на нецифроцентричности, авторы, с одной стороны, критикуют рост числа работ о новых медиа и технологиях, написанных без опоры на эмпирические исследования, а с другой — утверждают не только необходимость принимать во внимание субъектов-пользователей, но и актуальность и продуктивность отказа от до-полевых предположений и универсальных теорий (например, от однозначных характеристик и принципов работы интер-

¹ Подробнее о концептуализации цифровых пространств в терминах классических или традиционных полевых мест и об историческом и интеллектуальном контексте этих методологических стратегий см.: [Прус 2025].

² В статье понятия «веб-сообщество» и «VK-сообщество» применяются как взаимозаменяемые для обозначения двух видов веб-страниц в соцсети «ВКонтакте» — групп и пабликов — и используются как технические наименования, соответствующие номенклатуре «ВКонтакте», а не как аналитические категории.

нета) и осмысление контекстов разных способов восприятия и взаимодействия с медиа и технологиями.

Понимая под контекстом в том числе систему аффордансов, которые структурируют социальность и сами оказываются структурированы ею [Pink et al. 2016: 79–80], авторы этого методологического принципа предложили два варианта осмысления технологий в цифровых исследованиях. Первый — анализ материальности интернета (компьютеров, мобильных телефонов, модемов, оптоволоконных кабелей и т.д.), инфраструктуры подключения, политического измерения технологий и рынков производства и дистрибьюции техники и ее компонентов. Вторая логика рассмотрения аффордансов включала описание технологических инструментов веба, платформ и социальных медиа, которые производили связность и движение пользователей, контента или пакетов данных, — ссылок, ретвитов, хештегов или поисковых систем [Ibid.: 59–65]. Подробно расписывая стратегии исследования одних технологических контекстов, авторы тем не менее обходят вниманием те цифровые феномены, не по которым и благодаря которым интересующие исследователя пользователи передвигаются в сети, а в которых они обитают.

Рассмотрение рецепции программы мультилокальной этнографии в цифровой антропологии дает одно из возможных объяснений, почему анализ конкретного места встречи или обитания пользователей оказался на периферии методологического воображения исследователей. Согласно Джорджу Маркусу, исследования интернет-коммуникации входили в число направлений, которые сразу и наиболее охотно восприняли концепцию нового полевого проекта [Marcus 1998: 88]. Более того, сокращенная версия мультилокальной этнографии, выраженная в формуле «следовать за», стала ключевой при описании методов для многих авторов цифровой антропологии на различных этапах как истории дисциплины, так и развития технологий: виртуальной этнографии, антропологии социальных сетей и метавселенной [Hine 2000: 59–61; Caliandro 2018; Sumiala, Tikka 2020; Boellstorff 2024].

В уже упомянутых и других подобных работах использование мультилокальной этнографии обосновывается созвучием описания позднемодерного мира (см., например: [Marcus 1998: 39–50]) и определенного набора представлений о модусе функционирования интернета. Так, опыт пользователя оказывается не локализован в каком-то одном онлайн-месте, а распределен между платформами и веб-страницами, которые выстроены благодаря работе множества человеческих и нечеловеческих агентов и опираются на быстро возникающие и исчезающие связи, обязанные своим существованием гиперссылкам, алго-

ритмам, поисковым запросам и интернет-протоколам. Универсализация этой версии онлайн-опыта предполагает, что полевая работа в конкретном месте стала недоступной для современного исследователя, чьи информанты оказываются в слишком фрагментарном, текучем, нестабильном и эфемерном вебе. Иными словами, попытки задержаться в конкретном месте и аналитически осмыслить и описать его не соответствуют тем методологическим вызовам, которые ставит перед антропологами сам материал. Словно используя интерпретацию полевой работы, предложенную Джеймсом Клиффордом [Clifford 1997: 198], исследователи видели во «встрече на пути» (*travel encounter*) более точный способ осуществления полевой работы в цифровых пространствах и описания взаимодействий с информантами и информантов между собой, чем «стремление обосноваться на одном месте» (*dwelling*). Радикализацию приема «следование за» в цифровых исследованиях можно наблюдать в методологическом тексте Массимо Айрольди, согласно которому интернет 2010-х гг. стал настолько подходящей средой для программы Маркуса, что теперь можно проводить «поистине «нелокализованную» полевую работу» (*truly “un-sited” fields*) [Airolidi 2018: 666]. Это концептуальное обоснование программы вместе с тем аргументируется прагматикой проведения исследования, а именно возможностью формулировать аналитические заключения, не тратя слишком много времени на такие неадекватные цифровому полю приемы, как погружение в контекст и продолжительное взаимодействие с информантами [Ibid.: 670].

Программа мультилокальной этнографии Маркуса, однако, предлагала и другой вариант техники исследования — стратегически локализованный этнографический проект, предполагающий анализ конкретных мест с пониманием их мультилокальных контекстов [Marcus 1998: 95–98]. В цифровой антропологии эта стратегия оказалась близка авторам, которые работали в рамках узнаваемых конвенций о полевой работе: в конкретных физических местах, встречаясь с информантами в интернет-кафе или у них дома, подробно беседуя об их опыте взаимодействия с цифровыми технологиями и наблюдая через плечо за их интернет-активностью. Согласно таким авторам, как Николас Нисбетт, Дэниэл Миллер и Дон Слейтер [Miller, Slater 2000; Nisbett 2006] (см. также: [Burrell 2009; Abidin 2020]), анализ того, как информанты взаимодействуют на форумах с пользователями из любой точки мира, читают новостные сайты, пишут электронные письма эмигрировавшим родственникам или общаются с ними в мессенджерах, показывает многослойную конфигурацию разных контекстов, в которых существуют современные антропологу исследуемые субъекты. В то же время конкретное физическое место, в котором прово-

дится полевая работа, выступает и уникальной точкой сборки этих разных потоков дискурсов, объектов, представлений и практик, и той самой локальностью, которая структурирует восприятие цифрового и способы взаимодействия с ним.

Идея о том, что в интернете тоже можно обнаружить место, в котором антропологу следует стратегически проживать повседневность рядом с информантами и концептуализировать это как полевую работу, возникла благодаря появлению графических многопользовательских онлайн-игр в начале 2000-х гг. Виртуальные миры, в которых происходил игровой процесс, воспроизводили пространственные элементы физического мира, предоставляя игрокам опыт перемещения по цифровым ландшафтам, взаимодействия с объектами и аватарами других пользователей, а антропологам — возможность проводить полевую работу, описывать и анализировать полевые места и использовать свои тела (аватары) как исследовательские инструменты.

В своей знаменитой монографии о многопользовательской онлайн-игре “Second Life” Том Боллсторф предложил понимать виртуальные миры как самостоятельные и требующие отдельного осмысления контексты, аналогичные классическим полевым местам — островам Самоа или Тробриан [Boellstorff 2008: 3–8, 60–75]. Такой подход предполагал в том числе рассмотрение пространственно-объектного окружения пользователей — программной архитектуры (интерфейс, клиентский сервер, заданный функционал для аватаров) и вернакулярной архитектуры (объекты среды, виртуальный ландшафт, элементы внешнего вида аватаров, создаваемые пользователями). Выдвинув тезис о разделяемых онтологических качествах виртуального и физического, Боллсторф утверждал, что фокус на цифровом месте важен для построения интерпретаций того, как субъекты взаимодействуют со средой и объектами и как они выстраивают отношения друг с другом [Boellstorff 2008: 60–66; 2016]. Впоследствии, усложнив этот подход включением в него рефлексии таких авторов исследований пространства, как Сета Лоу и Дорин Месси, Боллсторф сформулировал методологические основания и аналитические задачи цифровой топографии, которая требовала учитывать отношение между конкретными цифровыми местами внутри виртуального мира и социальностью, опытом проживания цифрового пространства и цифровым воплощением в аватаре [Boellstorff 2020]¹. Виртуальный мир “Second Life” стал пониматься как наполненный различными пространствами, которым присущи свои конфигурации социального и техноло-

---

¹ Ср., например, с методологической программой Сеты Лоу, которая предлагает всестороннее исследование городских и не только пространств, включающее анализ отношений между материальностью, социальным измерением и аффективным проживанием конкретных мест [Лоу 2024: 13–24].

гического режима и каждое из которых оказывается специфическим контекстом для взаимодействия пользователей.

Боллсторф и его коллеги Бонни Нарди, Селия Пирс и Т.Л. Тейлор, утверждая виртуальные миры как полевые места, представляли их всегда связанными с различными контекстами, дискурсами или институтами: с повседневностью офисов компании “Linden Lab”, владеющей правами на “Second Life”, форумами для игроков “World of Warcraft”, фестивалями фанатов “EverQuest”, государственной политикой Китая в отношении интернета или гендерными стереотипами и семейно-родственными отношениями конкретных пользователей, играющих на североамериканских серверах [Boellstorff et al. 2012: 59–61]. Сам Маркус, как кажется, подтверждает соответствие предложенной им модели мультилокальной этнографии и проекта полевой работы в виртуальных мирах, когда в предисловии к сборнику упомянутых четырех авторов вспоминает незримые, или виртуальные, миры калули, индигенного народа Папуа Новой Гвинеи [Marcus 2012: XV–XVII], которые стали одним из источников его рефлексии о новых техниках и задачах антропологии [Marcus 1998: 170].

Однако, изобретая этот проект исключительно для виртуальных миров, ни Боллсторф, Нарди, Пирс и Тейлор, ни их последователи не предполагали, что иные цифровые технологии, например социальные сети или мессенджеры, могут быть осмыслены как самостоятельные полевые места с соответствующими аналитическими и описательными задачами [Boellstorff 2008: 257; Boellstorff et al. 2012: 7–8]. В следующих двух разделах я приведу выдержки из моего исследования антиэйджистских веб-сообществ в соцсети «ВКонтакте» в попытке проиллюстрировать, во-первых, как анализ конкретной технологии — ее аффордансов, восприятия информантами и политико-экономического контекста ее функционирования и трансформации — может способствовать построению интерпретаций производства антиэйджизма как интеллектуального проекта и, во-вторых, как может проходить долгая полевая работа в пабликах «ВКонтакте» и какие этнографические материалы подобная работа может приносить.

Антиэйджистские паблики «ВКонтакте» как полевое место: фокус на аффордансы и социотехнологический контекст

В августе 2022 г. Катя, администратор антиэйджистского ВК-сообщества «Голос неголосующих», опубликовала запись о завершении его работы: паблик ушел «в архив» [Дорогие друзья 2022]. Комментируя это решение, Катя долго рассказывала мне о поисках новых способов осуществлять антиэйджистскую

деятельность и сетовала, что ни она, ни другие авторы ничего не публикуют уже в течение полугода. Однако главной причиной закрытия паблика, по ее мнению, стало «отсутствие встреч антиэйджистов» и обсуждений ими вопросов возрастной дискриминации (15.09.22: Катя, 19 лет, 5 лет в АЭ)¹.

Встречи, про которые говорит Катя, не происходили в каком-то физическом месте — мои информанты, живущие в разных населенных пунктах России, практически никогда не видели друг друга без помощи экрана, специальных платформ и доступа к интернету и мобильной связи. Для «Голоса неголосующих» пространством, где происходили дискуссии и производился как интеллектуальный проект антиэйджизма, так и представление о его коллективности, был чат паблика. Еще весной, оставив более типичные темы разговоров (такие как обсуждение школьной системы и родителей, проблем правовой и фактической эмансипации или новостей, связанных с детской и молодежной политикой России), некоторые участники заявили о страхе и ощущении небезопасности от высказываний в «ВКонтакте». Катя практически сразу удалила всех участников чата, включая меня, и поставила под запрет возможность зайти в него снова.

То же происходило и с другими антиэйджистскими площадками: администраторы и авторы ВК-сообществ «Подслушано: эйджизм», «Детско-молодежное освободительное движение БЗР [Борьба за равноправие]» и «АЭК: Антиэйджистская коалиция» частично или полностью прекратили выкладывать записи, через «предложку» больше не поступало новых публикаций, и обсуждения стихли как в чатах, так и в комментариях. Мои информанты-антиэйджисты, с которыми я беседовала теперь преимущественно через Discord и Telegram, говорили об «упадке», «конце» и «кризисе» антиэйджизма. И хотя некоторые из них продолжали общаться друг с другом, все они так или иначе описывали закрытие веб-сообществ как «потерю своего места».

В течение десяти лет с того момента, когда была создана первая антиэйджистская ВК-группа БЗР (2012 г.), помимо упомянутых пабликов антиэйджисты создавали аккаунты для антиэйджистских проектов на других платформах — YouTube, Discord, Twitter. Все эти аккаунты либо были быстро заброшены, либо выполняли дополнительные функции (например, авторы-антиэйджисты могли разместить видео на YouTube и распространять его через ВК-паблик). Русскоязычные подростковые антиэйджистские веб-страницы на платформах Facebook* или

---

¹ Все имена информантов изменены. «12 лет в АЭ» — сокращение от «12 лет в антиэйджизме», которое означает период времени с момента знакомства информанта с любым антиэйджистским ВК-сообществом до даты проведения интервью.

«Одноклассники» не появились, а единственный антиэйджистский Telegram-канал, который был создан в июне 2024 г., прекратил работу после первой публикации.

Настолько продолжительное существование веб-сообществ «ВКонтакте» — некоммерческих, неподдерживаемых какой-либо институцией, работающих только за счет личного интереса самих участников — удивительная и даже исключительная история сама по себе. Однако то, что антиэйджизм «ушел в архив» вместе с завершением работы ВК-пабликов, как и то, что эта история не смогла получить развития ни на одной другой платформе, рождает вопрос, какую роль играла соцсеть «ВКонтакте» в том специфическом модусе выражения несогласия, который сформировался в антиэйджистских веб-сообществах, и как формат групп и пабликов «ВКонтакте» влиял на появление и поддержание антиэйджистского интеллектуального проекта?

Когда в 2012 г. Аня основала антиэйджистскую группу БЗР в «ВКонтакте», сама платформа из закрытой студенческой сети уже превратилась в один из самых крупных российских интернет-проектов, а практика создания веб-сообществ в ВК была вполне обыденной и не требовала специальной технической подготовки¹. Пользователи, решившие создать свое веб-сообщество, оказывались перед выбором формата организации коллективных страниц: группа или паблик. Их главное различие — доступ к публикации. В группах любой пользователь или любой участник мог сразу разместить запись в общедоступной для чтения и комментирования «ленте». В пабликах создание контента регулировали специально назначенные люди: администраторы паблика могли выступать авторами контента и/или публиковать предлагаемые пользователями записи. Кроме того, все обновления в пабликах оказывались в новостной ленте подписчика, в то время как участникам групп необходимо было специально заходить на страницы, чтобы увидеть новые сообщения и самим вступить в дискуссию. Таким образом, выбор между группой или пабликом для антиэйджистов был тесно связан с тем, как они видят и хотят видеть антиэйджистский проект: как сформированный или обсуждаемый, как проект

¹ В начале 2010-х гг. группы и паблики появлялись как у крупных компаний (Телеканал ТНТ <vk.com/tnt>; Nokia Mobile <vk.com/nokiamobile>) и государственных институтов (Правительство Санкт-Петербурга <vk.com/spb>), так и у отдельных пользователей. Например, в 2010–2013 гг. исследователи наблюдали резкий рост числа пабликов, так или иначе посвященных вопросам политики и идеологии, деятельности локальных активистов и представителей гражданских движений [Алюков 2014: 181–183; Никопорец-Такигава, Паин 2016: 35]. В то же время веб-сообщества «ВКонтакте» становились более заметными и как пространства низового творчества, связанного с созданием текстов различных жанров. Наталья Самутина отмечала «вторую волну исследований фанфикшн» в российской академии, спровоцированную творчеством писателей-любителей в ВК-группах и пабликах [Самутина 2013: 144].

с лидерами и структурой или с горизонтальными сетями, как авторский или коллективный проект?

Аня: Ну на самом деле все было открыто, очень долго участники группы могли на стене что-то писать. Кто-то прямо на стене писал, кто-то свое мнение, кто-то свою историю. <...> У нас никогда не было какого-то централизованного, мы считали, что пусть люди высказываются так, как считают нужным.

— А бывало, что удаляли записи?

Аня: Ну бывало такое, да. Но, как правило, не потому, что кто-то над этой темой думает недостаточно последовательно или не так, как мы. Мы скорее это оставим и напишем, если человек неправ (04.03.2022: Аня, 24 года, 12 лет в АЭ).

Администратор БЗР сделала ставку на такое пространство, где высказываться по вопросам антиэйджизма и борьбы за права детей мог любой желающий. Оглядываясь назад, Аня связывала «открытость» группы («ленты», раздела «Обсуждения» и комментариев) и отсутствие целенаправленного контроля над публикуемыми текстами с тем, что еще не существовало однозначного понимания дискриминации несовершеннолетних и поэтому разговор о ней должен был проходить свободно, с помощью дискуссий и споров. Более того, эта организация группы БЗР оказывается созвучна и представлениям Ани об интернет-коммуникации в целом. Рассказывая о своих медиа-практиках во время создания группы БЗР, моя собеседница излагала своими словами утопическую идею интернета как форума, который объединяет индивидов с разным опытом и убеждениями в свободной дискуссии равных:

Аня: Я много сидела в интернете, для развлечения поначалу, а потом БЗР и такая деятельность. В моем понимании интернет всегда нужен был для такого объединения людей, которые в реальном мире незнакомы. Просто потому, что это банально интереснее, чем общаться с теми, кто под боком. Поэтому и тогда, и что я до сих пор слышу: «А почему ты сидишь не под своим именем?», «а я вот сию, чтобы общаться с одноклассниками», «а я говорю моему ребенку: никогда не добавляй того, кого не знаешь». А зачем тогда вообще нужен интернет? Мне всегда казалось, что интернет объединяет людей. Так они раскинуты по кучкам по жизни — рабочий коллектив, класс. А так ты можешь общаться с кем угодно, имея в виду, что это может быть фейк. Имея все эти условности в виду (04.03.2022: Аня).

Темами первых публикаций в БЗР были неприятные и единичные эпизоды в жизни ребенка, описывавшиеся участниками от первого лица: от случаев жестокого обращения с автором, в том числе физического насилия, до столкновения с оскорблениями,

различными запретами и пейоративными стереотипами о детях и детстве. Администратор поддерживала этот жанр публикаций, прося подписчиков присылать личные истории о несправедливости родителей, учителей, психологов или случайного прохожего на улице. Сложившийся публикационный репертуар раннего БЗР функционировал как своеобразная *бухгалтерия ошибок* взрослых, формируя корпус детальных отчетов о различных ситуациях, в которых взрослые изображались как абсолютное зло, «враги», действующие «незаконно» и «аморально», в то время как несовершеннолетние представляли «жертвами» не столько отдельных ситуаций, сколько самой позиции ребенка или самого детства как травмирующего периода.

В первые годы функционирования группы в БЗР сформировалось такое коммуникативное пространство, которое в силу своей специфики требовало от участников веб-сообщества постоянного коммуникативного вклада: открытая лента, описание проекта администратором и ее вовлеченность в комментирование представляли производство текстов главной формой участия в антиэйджизме. Активный отклик среди подписчиков на публикацию личных историй, в свою очередь, способствовал опознанию универсальности, массовости и распространенности представлений о несправедливости детско-взрослых отношений. Спустя несколько лет подобной дискурсивной работы дискриминация несовершеннолетних утвердилась среди авторов в антиэйджистских ВК-сообществах как непроблематизируемое, не требующее доказательств знание.

Свободному доступу подписчиков к публикации записей в БЗР соответствовало то, как администраторы и модераторы управляли «лентой». До 2016 г. в группе БЗР модераторская работа осуществлялась в основном вручную и касалась исключительно «агрессивных» сообщений, «мусора» и спама: «[У]даляли, именно если человек агрессивно настроенный и построить с ним диалог не получится» (04.03.2022: Аня). Прежде чем «стена закрылась», появились первые оформленные «правила сообщества», которые были опубликованы в 2016 г. и предписывали нормы коммуникации, санкции за их несоблюдение и темы, на которые можно писать. Тогда же в БЗР появляется практика исключения («бана») несогласных с БЗРовским вариантом обсуждений эйджизма. Так, администратор переставила смысловые акценты в интерпретации интернета как пространства коммуникации и изменила основания для доступа к высказыванию: можно свободно выражать свою позицию, если она согласуется с позицией лидеров группы¹.

¹ «Группа — исключительно для единомышленников, делающих общее дело» [Узрите 2016].

Таким образом, интернет начинает пониматься как пространство, не объединяющее всех, а позволяющее найти группу единомышленников и избежать встречи с несогласными в изолированных фрагментах коммуникативного пространства. Вслед за установлением правил коммуникации в группе «закрывается стена» и вводится исключительно формат «предложения»: появившаяся строка ввода текста стала обязывать авторов-антиэджистов отправлять свои публикации не сразу в общедоступное пространство веб-сообщества, а администратору на проверку и редактуру. Согласно терминологии разработчиков «ВКонтакте», этот переход означает смену статуса с «группы» на «паблик». Изменяется парадигма коммуникации в БЗР: вместо открытого пространства, доступного для высказывания любому участнику, появился специальный механизм подачи текста и формальные и неформальные правила, задающие его содержание, а администраторы получили полный контроль над публикуемыми материалами. Новая инфраструктура пабликов, выстраиваемая на работе «предложения» и на модерации контента, препятствовала возобновлению автобиографического жанра и закрепляла канон новых для антиэджистов теоретических конструкций, которые разоблачали различные проявления детско-взрослых отношений как следствия существования тотальной системы угнетения¹.

Введение «предложения» и правил коммуникации — решения, принятые администратором БЗР, — спровоцировали появление новых антиэджистских пабликов. И хотя создатели других антиэджистских ВК-сообществ тоже вводили правила и «предложку», в разговорах со мной они всегда однозначно негативно оценивали этот период в истории БЗР как проявление «тоталитаризма», как «конец свободного обсуждения» антиэджистских тем. С точки зрения Ани, изменение организации группы было вынужденным решением «внутреннего кризиса» антиэджистского коллектива, который произошел в связи с «испорченным поколением» новых участников БЗР и потерей «детской темы» — появлением записей, никак, по мнению администратора, не связанных с антиэджизмом.

Однако помимо внутренней социальной динамики в группе администраторов и авторов-антиэджистов стратегии организации веб-сообщества БЗР и других антиэджистских пабликов отражают и более широкий контекст — контекст постепенного изменения представлений русскоязычных пользователей о нормативном поведении в интернете и техниках его регулирования, формируемых в том числе государственной политикой, разработчиками социальных сетей и журналистами.

---

¹ Подробнее о дискурсивной работе в антиэджистских ВК-сообществах см.: [Прус 2024].

С ростом популярности платформ социальных медиа изменялись и репрезентации интернета в официальном дискурсе власти, и инфраструктура государственной политики в отношении средств цифровой связи [Soldatov*, Borogan 2015: 75–76, 116–117, 201, 223–226; Колозариди, Шубенкова 2016: 43, 46; Konradova 2020: 57; Kolozaridi, Muravyov 2021]. Русскоязычные пользователи, столкнувшись с более заметным присутствием (как на словах, так и на деле) государственного и корпоративного контроля в интернете, который еще недавно воображался как «народный» [Asmolov, Kolozaridi 2017: 57–59, 77], стали вовлекаться в управление цифровым пространством и в дискуссии об акторах и принципах такого управления [Soldatov*, Borogan 2015: 193]. В то же время разработчики соцсети «ВКонтакте» ввели технические средства для осуществления цензуры и контроля, которые были доступны не только руководству самой платформы, но и всем администраторам ВК-сообществ: появилась расширенная настройка блокировки пользователей, позволяющая администраторам ограничивать доступ к просмотру, публикациям и комментированию в своих группах для конкретных подписчиков, и фильтр нецензурных выражений, автоматически удаляющий все записи, содержащие обценную лексику или любые указанные слова и фразы [Итоги года 2013; Фильтр комментариев 2015].

Более того, новый режим публичности антиэйджистских ВК-сообществ оказывался созвучен представлениям о продуктивности пабликов как площадок производства и распространения информации — такая риторика стала более заметной в дискурсе разработчиков «ВКонтакте» и все чаще использовалась при обосновании изменений платформы. Так, после объединения в разделе «Мои Новости» обновлений пабликов и друзей не пользователи, а веб-сообщества стали восприниматься основным поставщиком публикаций в соцсети, а инфраструктура поддерживала осмысление контента в категориях капитализации: для каждой публикации появился счетчик просмотров, которые стали считаться более релевантными показателями, чем лайки, репосты и комментарии; паблики все больше репрезентировались как пространства торговли, а помимо раздела «Товары» был введен специальный вид паблика — «Бизнес» [Вскоре администраторам 2015; С сегодняшнего дня 2017].

Таким образом, аффордансы соцсети «ВКонтакте» позволили антиэйджистскому интеллектуальному проекту случиться — платформа предлагала возможность относительно свободного и, в отличие от Twitter, развернутого публичного самовыражения, а формат веб-сообществ предоставлял разные формы взаимодействия подписчиков, администраторов и модераторов, предполагавшие несколько конфигураций коллективного автор-

ства (в отличие от Instagram*, YouTube или Telegram). Выбирая между разными техническими возможностями соцсети «ВКонтакте», антиэйджисты выстраивали свою версию «эйджизма», дискриминации по отношению к несовершеннолетним, как проблемы, делая ее сначала видимой (благодаря свободному доступу к публикации для любых пользователей), а потом коллективно прорабатывая ее проявления в различных измерениях жизни: за счет работы редакторов и модераторов, возможности создать чат для закулисного обсуждения идей, функционирования «предложки» и формирования канонической формы антиэйджистских высказываний, требующей новых и нетривиальных подходов к содержанию. Отказ от формата ВК-группы (закрытие ленты и свободного доступа к публикации для любых пользователей) и выбор в пользу паблика как трансляции идей, одобренных администраторами, отражали не только размолвки среди антиэйджистов. Эти решения оказываются и вплетены в контекст изменения представлений и практик русскоязычных пользователей, и созвучны динамике государственной и корпоративной политики в отношении того, как должны работать платформа «ВКонтакте» и социальные сети в целом.

Обосноваться в пабликах: долгосрочный полевой проект и появление биографического нарратива

Но что можно узнать о тех людях, которые причастны к антиэйджистским ВК-сообществам? Благодаря веб-архиву известно, что в группе БЗР через год после ее создания, в апреле 2013 г., состояло 180 человек [Детское освободительное 2013], в январе 2018 г. эта цифра достигла 4 396 [Детско-молодежное 2018], а на начало октября 2023 г. общее число подписчиков составляло 5 667. Известно, что 1 014 из этих аккаунтов были удалены пользователями или заблокированы платформой «ВКонтакте». Можно предположить, что некоторые из этих удаленных аккаунтов принадлежали первой волне подписчиков БЗР. Так, почти все имена авторов постов и комментариев за 2012 г. помечены платформой как “deleted”. Благодаря поиску по платформе, понятно, что пользователи 2 080 активных аккаунтов в графе «пол» отметили «женский», 2 566 — «мужской», а семь пользователей скрыли в настройках отображение гендерной идентификации. На начало октября 2023 г. среди подписчиков паблика БЗР 138 аккаунтов принадлежали пользователям младше 18 лет, а 1 483 аккаунта — тем, кто уже отметил свое тридцатилетие. За все время в паблике было опубликовано 9 565 постов, из которых 1 324 текста написаны 258 авторами, не входившими в число модераторов или администраторов сообщества.

Подобные количественные показатели и подсчеты совсем не отражают того, что происходило и происходит в паблике БЗР

или других антиэйджистских веб-сообществах «ВКонтакте». Во-первых, информация, указанная на персональных страницах, сама по себе представляет проблему для анализа (см., например: [Boellstorff 2008: 138–147])¹. Во-вторых, благодаря уже не раз упомянутой «предложке» после 2016 г. посты с именами авторов практически исчезли. Что же касается общего числа подписчиков антиэйджистских ВК-сообществ, то оно никак не отражает количество людей, которые воспринимают паблики как «свое место», общаются в чатах, комментируют публикации, пишут или редактируют тексты.

За четыре года моей работы с антиэйджистами, с 2020 по 2024 г., со мной вышли на связь и регулярно поддерживали общение 18 пользователей — примерно 2/3 из общего числа активных в тот период авторов, администраторов и участников антиэйджистских ВК-пабликов. Эта оценка состава антиэйджистских веб-сообществ основана на моих личных наблюдениях во время полевой работы в пабликах и чатах и соответствует мнению моих информантов. В начале нашего знакомства я приглашала антиэйджистов на интервью, а потом мы продолжали общаться в групповых и индивидуальных чатах или с помощью видео- и аудиозвонков, в ходе которых могли вести как долгие разговоры о формах несправедливости к несовершеннолетним, так и общение в формате «как дела?», коротких бесед о происходящем в школе, в России и мире.

Материалы устных и письменных, коллективных и тет-а-тет разговоров с участниками антиэйджистских пабликов «ВКонтакте», собранные в первые два года полевой работы, показали, что антиэйджизм манифестируется не только в виде публикаций, повествующих о тотальной несправедливости к несовершеннолетним, но и как своеобразный способ самоидентификации и целенаправленной работы с собственной биографией, повседневностью и отношениями с другими [Прус 2024: 31–39].

Однако все это время мои собеседницы и собеседники настойчиво отказывались отвечать на более конкретные вопросы о себе и других антиэйджистах, указывая мне на важность «безопасности». Безопасность и парная к ней категория страха распространялись не только на исследователя как незнакомца или чужака, но и на все отношения вне ВК-сообществ — дискриминация несовершеннолетних по возрасту и сами паблики не обсуждались со сверстниками или родителями. Этот полный или частичной анонимности антиэйджистов находил отражение в том числе в местах, которые выбирали некоторые мои инфор-

¹ Так, некоторые мои информанты указывали, например, 1905 вместо 2005 в качестве года рождения, чтобы обойти ограничение «14+» при регистрации на платформе.

манты, чтобы созвониться со мной для интервью: в парке, во время прогулки с собакой или отпросившись выйти в магазин. Одна из моих собеседниц специально шла в библиотеку, чтобы ее, рассказывающую про антиэйджизм, случайно не встретили знакомые или родители, а другой антиэйджист разговаривал со мной по телефону, пока ехал на велосипеде, чтобы никто на улице не смог его расслышать.

«Безопасность» и «страх» определяли, как происходило общение в коллективных чатах между участниками антиэйджистских пабликов, и были лейтмотивами наших первых разговоров, сохранялись к третьим, а иногда и к восьмым встречам, не в последнюю очередь функционируя как инструменты, позволявшие контролировать разглашение какой-либо личной информации (личная информация опознавалась мои собеседниками и как опасная, и как ненужная для обсуждения антиэйджизма).

Однако летом-осенью 2022 г., когда мои информанты ушли (или были удалены) из пабликов «ВКонтакте», я пошла на эксперимент и стала снова задавать вопросы про семью, биографию, место проживания, на которые все мои собеседники настойчиво отказывались отвечать ранее, увивали или уходили в молчание. Оказалось, что для некоторых антиэйджистов утрата «места», коллектива и регулярного обсуждения дискриминации несовершеннолетних создала возможность говорить о себе не только в рамках того нарратива о прошлом и настоящем, который подчинялся логике анонимного антиэйджистского высказывания. Этот переход я опишу через короткую историю взаимодействия с Катей, основательницей и администратором паблика «Голос неголосующих».

В июле 2021 г. Катя первая вышла на связь со мной: «Я антиэйджистка. Хочу с вами поговорить» (чат «ВКонтакте», 21.07.2021). Она узнала обо мне из чата, куда об исследовательнице, изучающей антиэйджизм, написал кто-то из информантов, с которыми я к тому времени успела поговорить. С тех пор мы встречались для интервью, продолжительного разговора по аудио- или видеосвязи, еще восемь раз и регулярно поддерживали общение в чатах «ВКонтакте» и Telegram. Катя добавила меня в упомянутый выше коллективный чат паблика «Голос неголосующих» и поручилась за меня перед остальными участниками, таким образом открыв для меня закулисье антиэйджизма. Помимо знакомства с информантами и еще одной формы взаимодействия с ними, это пространство позволяло видеть, как антиэйджистское знание создается в процессе дискуссий, споров или коллективного поиска ответов на вопросы о причинах и условиях несправедливости к несовершеннолетним.

Усваиваемая в таком чате виртуозность, с которой совершенно любые вопросы переводятся в жанр экспертного высказывания об антиэйджизме, была заметна в разговорах с Катей. Будучи администратором «Голоса неголосующих», она не скрывала, что чувствует свою авторитетную роль: «В российских антиэйджистских кругах я как бы довольно известный человек» (21.07.21: Катя). Катя детально описывала, как выстраивались отношения между антиэйджистами на протяжении многих лет, и пересказывала идейную основу антиэйджистского проекта, а мои вопросы про семью или школу были поняты ею как приглашение рассказать, как по-антиэйджистски относиться к воспитанию и дисциплине. Для того чтобы понять, почему Катя на протяжении несколько часов нашего разговора поворачивает любые вопросы о своей биографии в жанр экспертного интервью об антиэйджизме, можно не только вспомнить про техники анонимизации, но и обратиться к ее авторским стратегиям в пабликах. Например, формат публикации, который впервые в антиэйджистских ВК-сообществах появился именно в «Голосе», — интервью. Они были личным проектом Кати, которая собирала их вплоть до ухода «Голоса неголосующих» в архив. По словам Кати, интервью она организовывала так: составляла и присылала интервьюируемому список вопросов, а потом записывала аудио, расшифровывала, редактировала, оставляя «читаемый» текст (чат «ВКонтакте», 28.08.21: Катя). «Читаемый» текст, если судить по состоявшимся публикациям, — это рассказы и рассуждения подростков про несправедливую к несовершеннолетним систему.

Ощущаемые Катей «экспертность» и «авторитет», ее представление о том, какая информация релевантна для формата интервью, и натренированная способность заставлять любые детали говорить в пользу антиэйджизма как критики системы дискриминации несовершеннолетних находили отражение и в стратегиях повествования Кати о самой себе. В интервью и последующих разговорах она представала исключительно как знающая и опытная антиэйджистка, а сама встреча с исследователем служила способом продемонстрировать свою позицию и для чужака-антрополога, и для других участников пабликов. И эта роль, и отношение к исследованию постепенно менялись на протяжении моей полевой работы, так же как и цели и содержание высказываний Кати. Спустя два года нашего знакомства она стала подробно рассказывать о событиях своей жизни, не связанных напрямую с антиэйджизмом.

Появившееся в интервью биографическое повествование Кати, которая познакомилась с БЗР еще в 14 лет, показывало антиэйджизм как объяснительную модель творческого подростка-интеллекта, которого не устраивал окружающий локальный мир в целом и в частности его конкретное воплощение в детско-

взрослых отношениях. Выстраивая свой нарратив, Катя последовательно описывала различные нормативные для всех участников ее историй отношения и ситуации, в которых находила неразрешимые дефекты — физическое или эмоциональное насилие, принуждение, аномию и апатию (19.09.23: Катя). Неблагополучное село, грубые или безразличные учителя, необщественные и аполитичные родители и родственники, атмосфера принуждения и насилия — Катина версия антиэйджизма предлагала искать обоснование существования всех этих несправедливостей жизни в тотальной системе дискриминации несовершеннолетних, которая пронизывает уровни повседневного и политического. Антиэйджизм помог Кате сформулировать проблемы нравственной ответственности в авторитарных режимах и придумать сценарии «достойного» поведения в подобных условиях. При этом антиэйджизм оказался созвучен и ее творческой траектории и потребности выражать критику отношений и институтов контроля в форме текста (так, Катя вела литературный паблик и писала романы о «дисциплинарных институтах»), и активистской траектории (еще школьницей Катя участвовала в экологических акциях «За чистый город», стала волонтером в зоозащитных организациях), и интеллектуальной траектории и желанию понимать причины, контексты и механизмы социальных процессов. В случае Кати эту последнюю функцию антиэйджизма переняла антропология, которой она увлеклась во время моей полевой работы и которая продолжила для нее расколдовывать именно повседневность подростков и влияние на них политических и социальных режимов.

Анализ подобных биографических нарративов участников антиэйджистских пабликов помог демистифицировать антиэйджизм как интеллектуальный проект. За привычными всем пользователям группами и пабликами, за плотным и по меркам формата ВК-сообществ огромным антиэйджистским публикационным репертуаром, за похожими друг на друга историями об обращении в антиэйджистов, о дискриминации детей и подростков и антиэйджистских практиках теперь можно было разглядеть конкретных людей и их конкретные вопросы и проблемы, на которые антиэйджистские веб-сообщества «ВКонтакте» предлагали убедительные ответы и решения. Каждая история моих информантов возвращала меня к метафоре зрения, своеобразных очков, которые позволяли увидеть вызывающий вопросы и недоумение социальный мир как объяснимый и последовательный. Однако ощущение неопределенности, бессмысленности и даже дефектности жизни достигало моих собеседников и собеседников в разных ситуациях и контекстах, так же как по-разному они инструментализировали этот новый взгляд, предлагаемый антиэйджизмом, в личных целях и стремлениях.

* * *

Предпосылки к осмыслению интернет-пространств как мест, в которых можно проводить продолжительную полевую работу и выстраивать доверительные отношения с пользователями, можно обнаружить в некоторых исследованиях [Correll 1995; Lysloff 2003], которые Кристин Хайн включила в направление «виртуальной этнографии» [Hine 2005: 110–111]. Ранние исследования *форумов*, виртуальных сообществ, многопользовательских *подземелий* (MUD), *комнат* интернет-чатов (IRC) объединяла общая задача доказать, что в интернете тоже может быть требующая антропологического описания социальная жизнь. Однако аналитический результат подобных работ ограничивался поиском коллективных практик и представлений, солидарности и так называемых сильных связей. Таким образом, пространственная метафорика, распространенная в виртуальной этнографии, выполняла исключительно роль границ и для исследуемого сообщества, и для исследовательского проекта. Стоит сказать, что незначительное количество пользователей, новизна и в то же время простейшие на современный взгляд возможности веба только усиливали и оправдывали подобное использование категорий локальности и места.

Критика виртуальной этнографии подчеркивала эту озабоченность маленькими и изолированными сюжетами, в том числе с опорой на теоретические аргументы из антропологических дискуссий об использовании непроблематизированных понятий «сообщество» или «культура» [Airoldi 2018: 662–665]. В то же время тексты различных форматов как наиболее популярный исследовательский объект и отсутствие встреч лицом к лицу осмыслились многими авторами как непреодолимые препятствия для концептуализации цифровых исследований в терминах полевой работы и включенного наблюдения [Hine 2000: 43; Miller, Slater 2000: 21]. Впоследствии сам фокус исследований раннего массового интернета стал казаться неадекватным для анализа цифровой среды. Программа мультилокальной этнографии в совокупности с воображением интернета как фрагментарного и текучего пространства делали устаревшим интерес к конкретным онлайн-местам (за исключением тех, которые, подобно виртуальным мирам, феноменологически воспроизводили физическую реальность).

Исследование антиэйджистских веб-сообществ «ВКонтакте», однако, позволяет говорить о том, что стратегически локализованный этнографический проект возможно проводить в соцсетях, этих «не-картезианских пространствах» [Burrell 2009: 184–186], не напоминающих внешне и функционально физические миры.

Анализ технологических и социальных условий, в которых появился и функционировал антиэйджистский дискурсивный проект, показывает, как внимание к отношению между материальными и социальными измерениями полевого интернет-места помогает тоньше понимать этнографические материалы — публикации авторов-антиэйджистов и их онлайн-поведение. В то же время, как и во всех антропологических исследованиях, продолжительная полевая работа позволяет анализировать течение повседневной жизни, фиксировать рутинные практики, гласные и негласные правила, оказываться при важных событиях и наблюдать их влияние (например таких, как завершение работы антиэйджистских пабликов и изменение отношения к персональной информации среди их участников).

Однако, как и для Боллсторфа и его коллег и для Маркуса, в моей работе было важно выйти за пределы пабликов и коллективов антиэйджистских авторов, чтобы увидеть, как антиэйджизм прямо и имплицитно вписывался в более сложные и динамичные сюжеты разного масштаба. Так, процесс создания антиэйджистского знания оказывается в тесном отношении с технологическими возможностями соцсети «ВКонтакте», изменяющимися при участии разных политических и корпоративных акторов, практик пользователей русскоязычного сегмента интернета и глобально циркулирующих нарративов о том, что такое интернет и как он должен работать. В свою очередь, антиэйджистские высказывания не только опирались на автобиографические сюжеты, но и производились в ответ на алармистскую риторику детской политики в России, конспирологические приемы, распространенные как в официальном дискурсе власти, так и в узусе обычных пользователей, и критические построения русскоязычных феминистских авторов [Прус 2024: 16–23]. Биографические повествования участников антиэйджистских пабликов позволяли видеть конфигурации различных траекторий пользователей, для которых антиэйджизм оказался релевантным источником объяснительных и интерпретативных моделей. Таким образом, исследование антиэйджистских ВК-сообществ, которые не влияли прямо ни на большие нарративы о детстве, ни на политические решения или институции, позволяло ухватить контексты и механизмы создания «низовых утопий» (пространств критики и воображения альтернативных способов жизни) в современной России и понять, как на них влияют трансформации цифровых технологий и тенденции в повседневной риторике, какие эффекты они оказывают (или нет) на индивидуальных и коллективных субъектов.

В 1995 г. Мэрилин Стратерн поставила следующий вопрос к теоретическому и методологическому переосмыслению работы антропологов в условиях глобализации: «Антропологов крити-

ковали за их озабоченность “очень маленькими и удаленными культурами” <...>. Если бы были “очень большие и близкие”, что бы это изменило?» [Strathern 1995: V].

Как кажется, интернет, воображаемый как непостижимо большой и слишком обыденный, позволил некоторым авторам цифровой антропологии изменить многое в их стиле работы: отказаться от включенного наблюдения и продолжительного взаимодействия с информантами, упустить контекст этого взаимодействия. Конечно, каждый исследовательский сюжет требует своего набора методов сбора и анализа материалов. Однако антропологические конвенции о поле тоже могут выступать не только концептуальными, но и методологическими основаниями для проведения цифровых полевых исследований в социальных медиа, предполагая проживание онлайн-повседневности совместно с информантами, описание конкретного полевого интернет-места в его собственных терминах и проблематизацию возникающих в нем практик и социальных отношений.

Источники

- [Вскоре администраторам] // ВКонтакте. LIVE. 2015, 11 сент. <https://vk.com/wall-2158488_474103>.
- [Детское освободительное] // The Internet Archive Wayback Machine. 2013, 31 марта. <https://web.archive.org/web/20130331063317/https://vk.com/bzr_jumor>.
- [Детско-молодежное] // The Internet Archive Wayback Machine. 2018, 22 янв. <https://web.archive.org/web/20220122103537/https://vk.com/bzr_jumor>.
- [Дорогие друзья] // ВКонтакте. Голос неголосующих. 2022, 24 авг. <https://vk.com/golosnegolosuushih?w=wall-197239338_2017>.
- [Итоги года] // ВКонтакте. LIVE. 2013, 23 дек. <https://m.vk.com/pages?oid=-2158488&pr=Итоги_года_2013_»_Сообщества>.
- [С сегодняшнего дня] // ВКонтакте. LIVE. 2017, 14 марта. <https://vk.com/wall-2158488_670684>.
- [Узрите] // ВКонтакте. Детско-молодежное освободительное движение БЗР. 2016, 16 мая. <https://vk.com/wall-47905106_2784>.
- [Фильтр комментариев] // ВКонтакте. LIVE. 2015, 10 сент. <https://vk.com/wall-2158488_473470>.

Библиография

- Алюков М. От публик к движению: контрпубличные сферы в российском интернет-пространстве перед протестом // Ерпылева С., Магун А. (отв. ред.). Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 годов. М.: НЛЮ, 2014. С. 181–218.
- Колозариди П., Шубенкова А. Интернет как предмет социальной политики в официальном дискурсе России: благо или угроза? // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 1. С. 39–54.

- Лоу С. Пространственное воплощение культуры: этнография пространства и места / Пер. с англ. Н. Проценко. М.: НЛО, 2024. 398 с.
- Никипорец-Такигава Г., Паин Э. Конформисты 2.0: сторонники Путина, материк постсоветских людей или воображаемое большинство // Никипорец-Такигава Г., Паин Э. (ред.). Интернет и идеологические движения в России. М.: НЛО, 2016. С. 25–73.
- Прус И. Справедливость для детей и подростков: критическая теория и антиэйджистские веб-сообщества в соцсети «ВКонтакте» // Антропологический форум. 2024. № 61. С. 11–52. doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-61-11-52.
- Прус И.В. Что бы сделал Малиновский? Классическая полевая работа в онлайн-полях // Этнографическое обозрение. 2025. № 2. С. 226–248. doi: 10.31857/S0869541525020125.
- Самутина Н. Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 3. С. 137–194.
- Abidin C. Somewhere between Here and There: Negotiating Researcher Visibility in a Digital Ethnography of the Influencer Industry // Journal of Digital Social Research. 2020. Vol. 2. No. 1. P. 56–76. doi: 10.33621/jdsr.v2i1.20.
- Airoldi M. Ethnography and the Digital Fields of Social Media // International Journal of Social Research Methodology. 2018. Vol. 21. No. 6. P. 661–673. doi: 10.1080/13645579.2018.1465622.
- Asmolv G., Kolozaridi P. The Imaginaries of RuNet: The Change of the Elites and the Construction of Online Space // Russian Politics. 2017. Vol. 2. No. 1. P. 54–79. doi: 10.1163/2451-8921-00201004.
- Barendregt B. Digital Ethnography, or “Deep Hanging Out” in the Age of Big Data // Grasseni C., Barendregt B., de Maaker E., De Musso F., Littlejohn A., Maeckelbergh M., Postma M., Westmoreland M.R. Audiovisual and Digital Ethnography: A Practical and Theoretical Guide. London; New York: Routledge, 2022. P. 168–190. doi: 10.4324/9781003132417-8.
- Bluteau J.M. Legitimising Digital Anthropology through Immersive Cohabitation: Becoming an Observing Participant in a Blended Digital Landscape // Ethnography. 2021. Vol. 22. No. 2. P. 267–285. doi: 10.1177/1466138119881165.
- Boellstorff T. Coming of Age in Second Life: An Anthropologist Explores the Virtually Human. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008. XIII+316 p.
- Boellstorff T. For Whom the Ontology Turns: Theorizing the Digital Real // Current Anthropology. 2016. Vol. 57. No. 4. P. 387–407. doi: 10.1086/687362.
- Boellstorff T. The Ability of Place: Digital Topographies of the Virtual Human on Ethnographia Island // Current Anthropology. 2020. Vol. 61. No. S21. P. S109–S122. doi: 10.1086/704924.
- Boellstorff T. Toward Anthropologies of the Metaverse // American Ethnologist. 2024. Vol. 51. No. 1. P. 47–56. doi: 10.1111/amet.13228.
- Boellstorff T., Nardi B., Pearce C., Taylor T.L. Ethnography and Virtual Worlds: A Handbook of Method. Princeton, NJ; Oxford: Princeton University Press, 2012. XVII+237 p.

- Burrell J.* The Field Site as a Network: A Strategy for Locating Ethnographic Research // *Field Methods*. 2009. Vol. 21. No. 2. P. 181–199.
doi: 10.1177/1525822X08329699.
- Caliandro A.* Digital Methods for Ethnography: Analytical Concepts for Ethnographers Exploring Social Media Environments // *Journal of Contemporary Ethnography*. 2018. Vol. 47. No. 5. P. 551–578.
doi: 10.1177/0891241617702960.
- Cheater A.P.* Globalisation and the New Technologies of Knowing: Anthropological Calculus or Chaos? // *Strathern M. (ed.). Shifting Contexts: Transformations in Anthropological Knowledge*. London; New York: Routledge, 1995. P. 117–130.
- Clifford J.* Spatial Practices: Fieldwork, Travel, and the Disciplining of Anthropology // *Gupta A., Ferguson J. (eds). Anthropological Locations: Boundaries and Grounds of a Field Science*. Berkeley, CA: University of California Press, 1997. P. 185–222.
- Coleman E.G.* Ethnographic Approaches to Digital Media // *Annual Review of Anthropology*. 2010. Vol. 39. P. 487–505.
doi: 10.1146/annurev.anthro.012809.104945.
- Correll S.* The Ethnography of an Electronic Bar: The Lesbian Cafe // *Journal of Contemporary Ethnography*. 1995. Vol. 24. No. 3. P. 270–298.
doi: 10.1177/089124195024003002.
- de Seta G.* Ethnographic Approaches to Digital Folklore // *Skoric M.M., Pang N. (eds). Research Handbook on Social Media and Society*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2024. P. 240–254.
- Des Chene M.* Locating the Past // *Gupta A., Ferguson J. (eds). Anthropological Locations: Boundaries and Grounds of a Field Science*. Berkeley, CA: University of California Press, 1997. P. 66–85.
- Forte M.C.* Centring the Links: Understanding Cybernetic Patterns of Co-Production, Circulation and Consumption // *Hine C. (ed.). Virtual Methods: Issues in Social Research on the Internet*. Oxford: Berg, 2005. P. 93–106.
- Garcia A.C., Standlee A.I., Bechkoff J., Cui Y.* Ethnographic Approaches to the Internet and Computer-Mediated Communication // *Journal of Contemporary Ethnography*. 2009. Vol. 38. No. 1. P. 52–84.
doi: 10.1177/0891241607310839.
- Geismar H., Knox H.* Introduction 2.0 // *Geismar H., Knox H. (eds). Digital Anthropology*. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2021. P. 1–18.
- Ginsburg F.D., Abu-Lughod L., Larkin B.* Introduction // *Ginsburg F.D., Abu-Lughod L., Larkin B. (eds). Media Worlds: Anthropology on New Terrain*. Berkeley; Los Angeles, CA: University of California Press, 2002. P. 1–36.
- Hine C.* *Virtual Ethnography*. London: Sage, 2000. VIII+179 p.
- Hine C.* Research Sites and Strategies: Introduction // *Hine C. (ed.). Virtual Methods: Issues in Social Research on the Internet*. Oxford: Berg, 2005. P. 109–112.
- Hine C.* *Ethnography for the Internet: Embedded, Embodied and Everyday*. London: Bloomsbury, 2015. VIII+221 p.
- Kivits J.* Online Interviewing and the Research Relationship // *Hine C. (ed.). Virtual Methods: Issues in Social Research on the Internet*. Oxford: Berg, 2005. P. 35–49.

- Kolozaridi P., Muravyov D.* Contextualizing Sovereignty: A Critical Review of Competing Explanations of the Internet Governance in the (So-Called) Russian Case // *First Monday*. 2021. Vol. 26. No. 5. <<https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/11687>>. doi: 10.5210/fm.v26i5.11687.
- Konradova N.* The Rise of Runet and the Main Stages of Its History // Davydov S. (ed.). *Internet in Russia: A Study of the Runet and Its Impact on Social Life*. Cham: Springer, 2020. P. 39–61. doi: 10.1007/978-3-030-33016-3.
- Lysloff R.T.A.* Musical Community on the Internet: An On-line Ethnography // *Cultural Anthropology*. 2003. Vol. 18. No. 2. P. 233–263. doi: 10.1525/CAN.2003.18.2.233.
- Marcus G.E.* *Ethnography through Thick and Thin*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998. X+275 p.
- Marcus G.E.* Foreword // Boellstorff T., Nardi B., Pearce C., Taylor T.L. *Ethnography and Virtual Worlds: A Handbook of Method*. Princeton, NJ; Oxford: Princeton University Press, 2012. P. XIII–XVII.
- Miller D., Slater D.* *The Internet: An Ethnographic Approach*. Oxford: Berg, 2000. IX+217 p.
- Nisbett N.* The Internet, Cybercafés and the New Social Spaces of Bangalorean Youth // Coleman S., Collins P. (eds). *Locating the Field: Space, Place and Context in Anthropology*. Oxford: Berg, 2006. P. 129–147.
- Pink S., Horst H., Postill J., Hjorth L., Lewis T., Tacchi J.* *Digital Ethnography: Principles and Practice*. London: Sage, 2016. XIII+202 p.
- Postill J.* What's the Point of Media Anthropology? // *Social Anthropology / Anthropologie Sociale*. 2009. Vol. 17. No. 3. P. 334–337. doi:10.1111/j.1469-8676.2009.00079.x.
- Soldatov A.*, Borogan I.* *The Red Web: The Struggle between Russia's Digital Dictators and the New Online Revolutionaries*. New York: PublicAffairs, 2015. 384 p.
- Srinivasan R.* Response to Annette Markham // Markham A., Baym N. (eds). *Internet Inquiry: Conversations about Method*. Los Angeles, CA: Sage, 2009. P. 165–171.
- Strathern M.* (ed.). *Shifting Contexts: Transformations in Anthropological Knowledge*. London; New York: Routledge, 1995. XI+193 p.
- Sumiala J., Tikka M.* Digital Ethnographers on the Move — An Unexpected Proposal // *Journal of Digital Social Research*. 2020. Vol. 2. No. 1. P. 39–55. doi: 10.33621/jdsr.v2i1.37.
- Wilson S.M., Peterson L.C.* The Anthropology of Online Communities // *Annual Review of Anthropology*. 2002. Vol. 31. P. 449–467. doi: 10.1146/annurev.anthro.31.040402.085436.

Fieldwork in Anti-Ageist VK Public Pages: Problems of Methodological Strategies

Irina Prus

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
prus.irene@gmail.com

Two interrelated methodological strategies are mainly used to conceptualise digital fieldwork. The first is drawn from the principle of non-digital-centric-ness, emphasising the social dimension of digital phenomena. The second is based on the method of “following” derived from George Marcus’s multi-local ethnography programme. The article presents an attempt to understand the limitations of this fieldwork approach in online settings. According to the author, under their influence attention to digital places has disappeared from the focus of digital anthropology. This methodological shift is based on the idea that fieldwork at a specific site has become inaccessible to a researcher, as their informants find themselves within a too fragmented, fluid, unstable, and ephemeral web. Based on the second version of the multi-local fieldwork technique proposed by Marcus and the methodological project of the classical fieldwork in virtual worlds conceptualised by Tom Boellstorff and his colleagues, the author suggests a way of understanding specific fragments of social networks as fieldsites, illustrating it with excerpts from her own research of anti-ageist public pages on the VK social network. The examples demonstrated how the analysis of a specific technology, its affordances, the perception of informants, and the political and economic context of its functioning and transformation, combined with long-term fieldwork in the VK public pages, can contribute to anthropological research into the digital phenomenon.

Keywords: digital field, digital anthropology, virtual ethnography, anti-ageism, VKontakte, non-digital-centric-ness, multi-local ethnography.

References

- Abidin C., ‘Somewhere between Here and There: Negotiating Researcher Visibility in a Digital Ethnography of the Influencer Industry’, *Journal of Digital Social Research*, 2020, vol. 2, no. 1, pp. 56–76.
doi: 10.33621/jdsr.v2i1.20.
- Airoldi M., ‘Ethnography and the Digital Fields of Social Media’, *International Journal of Social Research Methodology*, 2018, vol. 21, no. 6, pp. 661–673.
doi: 10.1080/13645579.2018.1465622.

- Alyukov M., 'Ot publik k dvizheniyu: kontrpublichnye sfery v rossiyskom internet-prostranstve pered protestom' [From the Public to the Movement: Counter-Public Spheres in the Russian Internet Space before the Protest], Erpyleva S., Magun A. (eds), *Politika apolitichnykh: grazhdanskie dvizheniya v Rossii 2011–2013 godov* [Politics of the Apolitical Civil Movements in Russia 2011–2013]. Moscow: NLO, 2014, pp. 181–218. (In Russian).
- Asmolov G., Kolozaridi P., 'The Imaginaries of RuNet: The Change of the Elites and the Construction of Online Space', *Russian Politics*, 2017, vol. 2, no. 1, pp. 54–79. doi: 10.1163/2451-8921-00201004.
- Barendregt B., 'Digital Ethnography, or "Deep Hanging Out" in the Age of Big Data', Grasseni C., Barendregt B., de Maaker E., De Musso F., Littlejohn A., Maeckelbergh M., Postma M., Westmoreland M. R., *Audiovisual and Digital Ethnography: A Practical and Theoretical Guide*. London; New York: Routledge, 2022, pp. 168–190. doi: 10.4324/9781003132417-8.
- Bluteau J. M., 'Legitimising Digital Anthropology through Immersive Cohabitation: Becoming an Observing Participant in a Blended Digital Landscape', *Ethnography*, 2021, vol. 22, no. 2, pp. 267–285. doi: 10.1177/1466138119881165.
- Boellstorff T., *Coming of Age in Second Life: An Anthropologist Explores the Virtually Human*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008, XIII+316 pp.
- Boellstorff T., 'For Whom the Ontology Turns: Theorizing the Digital Real', *Current Anthropology*, 2016, vol. 57, no. 4, pp. 387–407. doi: 10.1086/687362.
- Boellstorff T., 'The Ability of Place: Digital Topographies of the Virtual Human on Ethnographia Island', *Current Anthropology*, 2020, vol. 61, no. S21, pp. S109–S122. doi: 10.1086/704924.
- Boellstorff T., 'Toward Anthropologies of the Metaverse', *American Ethnologist*, 2024, vol. 51, no. 1, pp. 47–56. doi: 10.1111/amet.13228.
- Boellstorff T., Nardi B., Pearce C., Taylor T. L., *Ethnography and Virtual Worlds: A Handbook of Method*. Princeton, NJ; Oxford: Princeton University Press, 2012, XVII+237 pp.
- Burrell J., 'The Field Site as a Network: A Strategy for Locating Ethnographic Research', *Field Methods*, 2009, vol. 21, no. 2, pp. 181–199. doi: 10.1177/1525822X08329699.
- Caliandro A., 'Digital Methods for Ethnography: Analytical Concepts for Ethnographers Exploring Social Media Environments', *Journal of Contemporary Ethnography*, 2018, vol. 47, no. 5, pp. 551–578. doi: 10.1177/0891241617702960.
- Cheater A. P., 'Globalisation and the New Technologies of Knowing: Anthropological Calculus or Chaos?', Strathern M. (ed.), *Shifting Contexts: Transformations in Anthropological Knowledge*. London; New York: Routledge, 1995, pp. 117–130.
- Clifford J., 'Spatial Practices: Fieldwork, Travel, and the Disciplining of Anthropology', Gupta A., Ferguson J. (eds), *Anthropological Locations: Boundaries and Grounds of a Field Science*. Berkeley, CA: University of California Press, 1997, pp. 185–222.
- Coleman E. G., 'Ethnographic Approaches to Digital Media', *Annual Review of Anthropology*, 2010, vol. 39, pp. 487–505. doi: 10.1146/annurev.anthro.012809.104945.

- Correll S., 'The Ethnography of an Electronic Bar: The Lesbian Cafe', *Journal of Contemporary Ethnography*, 1995, vol. 24, no. 3, pp. 270–298.
doi: 10.1177/089124195024003002.
- de Seta G., 'Ethnographic Approaches to Digital Folklore', Skoric M. M., Pang N. (eds), *Research Handbook on Social Media and Society*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2024, pp. 240–254.
- Des Chene M., 'Locating the Past', Gupta A., Ferguson J. (eds), *Anthropological Locations: Boundaries and Grounds of a Field Science*. Berkeley, CA: University of California Press, 1997, pp. 66–85.
- Forte M. C., 'Centring the Links: Understanding Cybernetic Patterns of Co-Production, Circulation and Consumption', Hine C. (ed.), *Virtual Methods: Issues in Social Research on the Internet*. Oxford: Berg, 2005, pp. 93–106.
- Garcia A. C., Standlee A. I., Bechkoff J., Cui Y., 'Ethnographic Approaches to the Internet and Computer-Mediated Communication', *Journal of Contemporary Ethnography*, 2009, vol. 38, no. 1, pp. 52–84.
doi: 10.1177/0891241607310839.
- Geismar H., Knox H., 'Introduction 2.0', Geismar H., Knox H. (eds), *Digital Anthropology*, 2nd ed. London; New York: Routledge, 2021, pp. 1–18.
- Ginsburg F. D., Abu-Lughod L., Larkin B., 'Introduction', Ginsburg F. D., Abu-Lughod L., Larkin B. (eds), *Media Worlds: Anthropology on New Terrain*. Berkeley; Los Angeles, CA: University of California Press, 2002, pp. 1–36.
- Hine C., *Virtual Ethnography*. London: Sage, 2000, VIII+179 pp.
- Hine C., 'Research Sites and Strategies: Introduction', Hine C. (ed.), *Virtual Methods: Issues in Social Research on the Internet*. Oxford: Berg, 2005, pp. 109–112.
- Hine C., *Ethnography for the Internet: Embedded, Embodied and Everyday*. London: Bloomsbury, 2015, VIII+221 pp.
- Kivits J., 'Online Interviewing and the Research Relationship', Hine C. (ed.), *Virtual Methods: Issues in Social Research on the Internet*. Oxford: Berg, 2005, pp. 35–49.
- Kolozaridi P., Muravyov D., 'Contextualizing Sovereignty: A Critical Review of Competing Explanations of the Internet Governance in the (So-Called) Russian Case', *First Monday*, 2021, vol. 26, no. 5.
<<https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/11687>>.
doi: 10.5210/fm.v26i5.11687.
- Kolozaridi P., Shubenkova A., 'Internet kak predmet sotsialnoy politiki v ofitsialnom diskurse Rossii: blago ili ugroza?' [The Internet as a Subject of Social Policy in the Russian Official Discourse: A "Good" or a "Threat"?], *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki*, 2016, vol. 14, no. 1, pp. 39–54. (In Russian).
- Konradova N., 'The Rise of Runet and the Main Stages of Its History', Davydov S. (ed.), *Internet in Russia: A Study of the Runet and Its Impact on Social Life*. Cham: Springer, 2020, pp. 39–61.
doi: 10.1007/978-3-030-33016-3.
- Low S., *Spatializing Culture: The Ethnography of Space and Place*. London; New York: Routledge, 2016, XII+264 pp.
- Lysloff R. T. A., 'Musical Community on the Internet: An On-line Ethnography', *Cultural Anthropology*, 2003, vol. 18, no. 2, pp. 233–263.
doi: 10.1525/CAN.2003.18.2.233.

- Marcus G. E., *Ethnography through Thick and Thin*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998, X+275 pp.
- Marcus G. E., 'Foreword', Boellstorff T., Nardi B., Pearce C., Taylor T. L., *Ethnography and Virtual Worlds: A Handbook of Method*. Princeton, NJ; Oxford: Princeton University Press, 2012, pp. XIII–XVII.
- Miller D., Slater D., *The Internet: An Ethnographic Approach*. Oxford: Berg, 2000, IX+217 pp.
- Nikiporets-Takigawa G., Pain E., 'Konformisty 2.0: storonniki Putina, materik postsovetskikh lyudey ili vobrazhaemoe bolshinstvo' [Conformists 2.0: Putin's Supporters, the Mainland of Post-Soviet People, or the Imaginary Majority], Nikiporets-Takigawa G., Pain E. (eds), *Internet i ideologicheskie dvizheniya v Rossii* [The Internet and Ideological Movements in Russia]. Moscow: NLO, 2016, pp. 25–73. (In Russian).
- Nisbett N., 'The Internet, Cybercafés and the New Social Spaces of Bangalorean Youth', Coleman S., Collins P. (eds), *Locating the Field: Space, Place and Context in Anthropology*. Oxford: Berg, 2006, pp. 129–147.
- Pink S., Horst H., Postill J., Hjorth L., Lewis T., Tacchi J., *Digital Ethnography: Principles and Practice*. London: Sage, 2016, XIII+202 pp.
- Postill J., 'What's the Point of Media Anthropology?', *Social Anthropology / Anthropologie Sociale*, 2009, vol. 17, no. 3, pp. 334–337.
doi: 10.1111/j.1469-8676.2009.00079.x.
- Prus I., 'Spravedlivost dlya detey i podrostkov: kriticheskaya teoriya i anti-eydzhistskie veb-soobshchestva v sotsseti "VKontakte"' [Justice for Children and Adolescents: Critical Theory and Anti-Ageist VK Web Communities], *Antropologicheskij forum*, 2024, no. 61, pp. 11–52. (In Russian). doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-61-11-52.
- Prus I. V., 'Chto by sdelał Malinovskiy? Klassicheskaya polevaya rabota v onlayn-polyakh' [What Would Malinowski Do? Classic Fieldwork in Online Fieldsites], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2025, no. 2, pp. 226–248. (In Russian). doi: 10.31857/S0869541525020125.
- Samutina N., 'Velikie chitatelnitsy: fanfikshn kak forma literaturnogo opyta' [The Great Female Readers: Fan Fiction as a Literary Experience], *Sociological Review*, 2013, vol. 12, no. 3, pp. 137–194. (In Russian).
- Soldatov A.*, Borogan I., *The Red Web: The Struggle between Russia's Digital Dictators and the New Online Revolutionaries*. New York: PublicAffairs, 2015, 384 pp.
- Srinivasan R., 'Response to Annette Markham', Markham A., Baym N. (eds), *Internet Inquiry: Conversations about Method*. Los Angeles, CA: Sage, 2009, pp. 165–171.
- Strathern M. (ed.), *Shifting Contexts: Transformations in Anthropological Knowledge*. London; New York: Routledge, 1995, XI+193 pp.
- Sumiala J., Tikka M., 'Digital Ethnographers on the Move — An Unexpected Proposal', *Journal of Digital Social Research*, 2020, vol. 2, no. 1, pp. 39–55. doi: 10.33621/jdsr.v2i1.37.
- Wilson S. M., Peterson L. C., 'The Anthropology of Online Communities', *Annual Review of Anthropology*, 2002, vol. 31, pp. 449–467.
doi: 10.1146/annurev.anthro.31.040402.085436.